Чжоу Цинбай услышал два слова «их отец», и его лицо смягчилось на два пункта. Хотя он и не понимал ее намерений, но все же подчинился.

Он подошел к шкафу и взял ручку и бумагу. Линь Цинхэ парила ноги, пока писала список покупок для Чжоу Цинбая назавтра.

Закончив, она показала его Дава:

— Ты понял?

Дава нахмурился. Без сомнения, он не мог понять.

— Это то, что твой отец собирается купить завтра в уездном городе. Если ты не учишься, ты не сможешь понять этого. Ни одна приличная работа не будет твоей. Потому что, если ты не учишься, это все равно, что приоткрыть глаза и ослепнуть. Только обладая культурой и знаниями, ты не будешь бояться, что тебя не заметят, куда бы ты ни пошел. В противном случае ты сможешь работать только в этой крошечной деревне всю свою жизнь. Посмотри на мужчин в деревне. Они заводят семью в семнадцать или восемнадцать лет и начинают заниматься сельским хозяйством, чтобы растить детей. Каждый из них выглядит на 47 в возрасте 27-ми. А теперь посмотри на своего отца. Если бы он работал в деревне в прошлом, он определенно был бы похож на деревенских. От этого нет спасения, — произнесла Линь Цинхэ с усилием.

Чжоу Цинбай: «…» Внезапно у него возникло ощущение кризиса.

«Что же мне делать? Жена, кажется, судит по лицу?»

— Я не боюсь! — дерзко заявил Чжоу Дава.

— Неплохо. Имеешь немного мужественности. Ничего страшного, если ты не будешь учиться. Думая о том, что в будущем ты будешь носить мотыгу, как отец твоих друзей, я чувствую, что ты можешь выжить, тогда с завтрашнего дня ты получаешь отдельную еду. Я должна позволить тебе заранее приспособиться к тому, что такое жизнь без учебы. Таким образом, ты не будешь привыкать к хорошей жизни и не будешь испытывать трудности, когда придет время, — произнесла Линь Цинхэ.

— Приготовишь мне завтра отдельную еду? — замер Чжоу Дава.

— Что? Ты боишься? — подняла бровь Линь Цинхэ.

— Тогда сделай это! Я не боюсь страданий! — настаивал Чжоу Дава.

— Хороший дух! Я надеюсь, что ты сможешь проявить настойчивость. Ладно, давай завтра поедим постного свиного отвара, — сказала Линь Цинхэ Чжоу Цинбаю.

— Хорошо, — серьезно кивнул Чжоу Цинбай.

Он не жаловался на то, как она воспитывала их сына. Но слова его жены были написаны изящно. Такой красивый почерк.

Прошло столько лет, а она так и не написала ему ни одного письма.

Линь Цинхэ не беспокоилась о том, что ее разоблачат, потому что первоначальный владелец не писала никаких писем Чжоу Цинбаю. Первоначальный владелец училась в начальной школе в течение трех лет, и в конце концов, после долгих трудностей, закончила ее. Поэтому она умела читать и распознавать слова. А когда семья Чжоу сделала предложение, они отдельно отметили в положительные качества умение читать и писать.

В ту ночь Чжоу Цинбай не ушел из комнаты. Сколько бы Линь Цинхэ ни смотрела на него, это было бесполезно. Поэтому она устроила его спать на другой стороне печи. Чжоу Цинбай не беспокоился из-за этого. Он решил продвигаться шаг за шагом.

— Отец, ты сегодня спишь с нами? — Дава забыл о завтрашнем дне. Его глаза заблестели.

— Эн, сохраним немного дров. Не нужно топить печь по соседству, — разум Чжоу Цинбая был таким прямым.

Линь Цинхэ была слишком ленива, чтобы комментировать. Не то чтобы она не знала о его мыслях, просто ей было все равно. Она обняла Саньва, и мать и сыновья уснули.

Видя, как далеко она от него, Чжоу Цинбай был совершенно беспомощен. К счастью, ему позволили войти в комнату.

На следующее утро Чжоу Цинбай, как обычно, отправился на утреннюю пробежку. Линь Цинхэ встала и приготовила кунжутный постный свиной отвар. А для Дава было приготовлено несколько кусочков кукурузного блина и все.

Она не будет мягкосердечной. Пусть он испытает свою будущую жизнь, и тогда посмотрим, захочет ли он учиться.

В то время как Чжоу Дава чувствовал себя так, словно его дразнили. Пока он утром жевал кукурузный блин, запивая его водой. Его отец, мать и младшие братья ели кунжутный постный свиной отвар с яичницей! А у него было всего несколько блинов из кукурузной муки. И несколько соленых огурцов и больше ничего!

— Не будь недовольным. Многие люди в деревне едят лапшу из сладкого картофеля. Тебе нужно довольствоваться блинами из кукурузной муки. Когда ты вырастешь и женишься, ты не будешь жить с нами. Ты будешь жить один, — сказала Линь Цинхэ.

Чжоу Дава чувствовал, что его будущие дни были темными без дневного света.

Чжоу Эрва не осмелился ничего сказать. Он определенно не хотел бы пережить такой день. Позже, когда он вырастет, он должен слушаться свою мать и усердно учиться!

— Я иду в дом старосты, чтобы взять велосипед, — сказал ей Чжоу Цинбай.

— Может, тоже купим? — Линь Цинхэ плавно последовала за ним.

Чжоу Цинбай серьезно кивнул:

— У нас должен быть один дома.

— Тогда подожди немного, я принесу тебе деньги и талоны! — быстро произнесла Линь Цинхэ.

Она не считала, что это потеря, когда дело дошло до покупки велосипеда. Даже если велосипед требовал больше сотни юаней и много промышленных талонов, они могли себе это позволить.

Самое главное, что в будущем, когда она пойдет к сестре Мэй за свининой (теперь, когда она была знакома с сестрой Мэй, то знала, что муж сестры Мэй забивал свиней на свиноферме), она могла бы предложить сестре Мэй сделку, на которую та определенно согласиться.

Максимальная цена килограмма мяса составляла почти шесть монет, плюс сестре Мэй прибыль в одну монету. Можно было взять три-четыре килограмма и продать в уездном городе, получив прибыль около пяти юаней.

Хотя это была небольшая прибыль, но за один день работы можно было получить сумму, равную месячной зарплате других.

Купив велосипед, она может вернуть деньги всего после нескольких месяцев его использования. Так что не было вообще никакой необходимости беспокоиться о потере денег.

Дава услышал это, и его глаза загорелись:

— Наша семья собирается купить велосипед?

Линь Цинхэ положила деньги и талоны в пакет и передала его Чжоу Цинбаю.

— Могу ли я ездить на нем в будущем? — спросил Дава.

— Если в будущем ты будешь ходить в школу в уездном городе, я могу купить тебе такой же, — ответила Линь Цинхэ.

Дава широко раскрыл глаза от удивления, но вскоре его лицо нахмурилось в недоумении.

Линь Цинхэ больше не возражала. Чжоу Цинбаю, который остановился там, ожидая ее прощания, она сказала:

— Будь осторожен на дороге.

«На время можно отступить, и дать ему попробовать мед», — она не только посоветовала ему быть осторожным в пути, но и мило улыбнулась.

Удовлетворенный, Чжоу Цинбай вышел с сумкой и корзиной.

Линь Цинхэ указала Дава:

— Ты ешь кукурузное пюре в полдень.

— Тогда что же ты ешь? — не удержался Дава.

— Мы подождем возвращения твоего отца, а потом поедим пельмени в полдень.

Маленькое личико Дава вытянулось. В последнее время он стал избалован заботой Линь Цинхэ. Когда он был со своей биологической матерью, он не придирался к кукурузному пюре. А иногда ему приходилось есть сушеный сладкий картофель. Это было отвратительно.

Если он не хочет учиться, Линь Цинхэ будет действовать осмотрительно. Она дала Эрва и Саньва по конфете «белого кролика». Но не дала конфету Дава.

— Почему ты не дала мне?! — сердито воскликнул Дава.

— А зачем? Ты помнишь, чтобы твои маленькие друзья когда-нибудь ели конфеты? Их отец не учился, когда был ребенком, так что и сын тоже не получает конфеты «белый кролик». Так что тебе придется привыкнуть к такой жизни. Не спорь со мной, — Линь Цинхэ твердо стояла на своем.

http://tl.rulate.ru/book/36775/1371450